

А.В. Денисова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Самарский государственный университет, Самара (Россия)

Ключевые слова: правовая система; системосохраняющий механизм; принципы права; цели и задачи права; юридические презумпции и фикции; преюдиции; пробельные и коллизионные правила.

Аннотация: В статье проанализированы особенности функционирования системосохраняющего механизма в праве; дана подробная характеристика его структуры и содержания, выявлено значение этого механизма для обеспечения целостности и единства правовой материи. Исследованы такие структурные элементы данного механизма, как принципы, цели и задачи права, юридические презумпции и фикции, преюдиции, пробельные и коллизионные правила. Все вышеуказанные элементы системосохраняющего механизма осуществляют своеобразную обработку правового материала, определяют содержание и реализацию каждой правовой нормы и института, как правило, закреплены в формально-юридических источниках права, влияют на возникновение и развитие правоотношений, т.е. обеспечивают согласованность вышеуказанных правовых явлений, тем самым поддерживая целостность и единство всей правовой системы. Автор делает вывод, что системосохраняющий механизм в праве – это система (комплекс) системосохраняющих элементов, обеспечивающих целостность и единство права; это своеобразная конструкция, внутреннее устройство, вынуждающее к совершению нужных действий между собой связанных, но подвижных элементов правовой системы. Этот механизм необходим каждой отрасли, ибо без него право станет бессильным, не способным к выполнению своего функционального предназначения. Системосохраняющий механизм актуализирует, одушевляет и гуманизирует правовую действительность посредством адаптации и инновации элементов правовой системы применительно к реалиям современных общественных отношений за счет восполнения их ограниченных возможностей и их коррекции, приводящей к точной настройке механизмов правового регулирования и исправлению изъянов в праве. Таким образом устраняются внутрисистемные и логические противоречия в содержании правовых норм; обеспечивается преемственность и постоянство в развитии права и восприятие им прогрессивных положений других социальных подсистем; а также выявляются нежизнеспособные правовые предписания, готовится почва для моделирования и создания будущего законодательства.

Право традиционно определяется как нормативно-регулятивная система, совокупность норм, идей и отношений, которая устанавливает поддерживаемый средствами власти порядок организации, контроля и защиты человеческого поведения; как система нормативных установок, опирающихся на идеи человеческой справедливости и свободы; как ценный регулятор общественных отношений, воздействующий на волю и сознание людей с помощью формально установленных или закрепленных норм (правил поведения), выраженных в нормативных актах, судебных прецедентах, других формах и обеспеченных возможностью государственного принуждения, без которого невозможно упорядочение, стабилизация и социально необходимое развитие общества [1, с. 111; 2, с. 105; 3, с. 7 и др.]. Отметим, что во всех вышеприведенных доктринальных определениях присутствует слово «система», что подчеркивает системный характер данного социального явления, его обособленность от окружающей среды, целостность и структурированность.

Системность правовых явлений исторически и генетически обуславливается системностью самого общества, в рамках которого они возникают и развиваются; общественные отношения как предмет правового регулирования и воздействия несомненно имеют системный характер.

Как и любая иная социальная система, право характеризуется сложной организацией, включает в себя несколько компонентов, каждый из которых представляет собой относительно самостоятельную подсистему и состоит из более дробных единиц – структурных элементов. На сегодняшний день исследователями считается общепризнанной позиция, что в самом общем плане право (правовая система) государства включает в себя следующие компоненты: объективное право,

взятое в единстве содержания и форм его выражения (систему права); юридическую практику (правотворческую, правоприменительную и т. п.), осуществляемую в рамках правовых отношений; правосознание (совокупность юридических идей, взглядов, представлений и т. п.), которое находит выражение в юридической практике и правоотношениях, праве и правовой культуре общества. При этом все три компонента правовой системы тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены и не могут существовать отдельно друг от друга. Например, в государстве могут появиться новые нормативно-правовые акты в результате изменений в сфере правовой деятельности и развития правосознания граждан, с другой стороны – принятие новых правовых норм или существенное реформирование существующих всегда влечет за собой изменение сложившейся юридической практики и движение общественного правосознания.

Однако праву свойственна не только определенная дифференциация, т.е. расчленение на отдельные компоненты, но и единство. Это система внутренне согласованных, взаимосвязанных и взаимодействующих правовых явлений, процессов и состояний, составляющих в совокупности органически целостное образование. Представляется, что в правовой системе есть нечто, что объединяет все вышеуказанные элементы, благодаря чему они интегрируются в единое целое, в рамках которого возможно их эффективное сосуществование и взаимодействие. Этим интегрирующим правовым явлением следует признать т.н. системосохраняющий механизм, именно он обеспечивает целостность и системность права, делает возможным согласованное взаимодействие всех вышеуказанных системных элементов, упорядочивает и координирует их, а также регулирует воздействие внешних условий на право,

обеспечивая сочетание преемственности и изменчивости в процессе правового регулирования. Благодаря этому механизму осуществляется определенное упорядочивающее воздействие на объективное право, правосознание и юридическую практику, координируется их совместное функционирование, обеспечивается своевременное приспособление права к меняющимся социальным условиям.

Термин «механизм», являясь понятием технического происхождения, достаточно прочно вошел в юридический лексикон. Этимология данного понятия привязана к внутреннему устройству и действию машины. Например, в словарях русского языка «механизм» определяется как совокупность подвижно соединенных частей, совершающих под действием приложенных сил заданное движение [4, с. 262]. Поэтому механизм следует понимать как единство статических явлений и динамических процессов, целостность которых «оживляет» статику и придает устойчивость динамике. Любой механизм – это совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих частей, элементов при наличии, с одной стороны, внутренней упорядоченности и согласованности между ними, а с другой – дифференциации и относительной автономности (самостоятельности). Так, В.С. Нерсисянц отмечает, что «механизм» – это всегда некая функциональная характеристика объекта, и данный термин следует использовать не для структурного описания системы, а для уяснения функциональной специфики ее различных частей и элементов [5, с. 128]. Со своей стороны отметим, что системосохраняющий механизм, безусловно, существует и функционирует в правовой материи, являясь при этом одной из немаловажных ее составляющих. Более того, данный механизм имеет непосредственное отношение к механизму правового регулирования, является его частью, включающей в себя совокупность определенных элементов и юридического инструментария, позволяющих правовыми средствами обеспечивать системность права, единство и согласованность его компонентов с целью упорядоченности регулирования общественных отношений и ликвидации противоречивости и неопределенности в правовой системе.

По нашему мнению, в структуру системосохраняющего механизма входят следующие правовые составляющие: принципы, цели и задачи права, презумпции и фикции, преюдиции, пробельные и коллизионные правила. Все эти элементы находятся в единстве и образуют динамичный механизм саморегуляции права, сохраняющий и поддерживающий его системные характеристики.

Одним из важнейших элементов системосохраняющего механизма права следует признать общеправовые принципы, то есть определенные идеи, начала, которые зависят от состояния нравственного, политического, экономического устройства общества и определяют содержание правотворческой и правоприменительной деятельности [6, с. 241]. Принципы – руководящие идеи дают представление о должностном в праве, определяют, каким оно должно быть; именно в них концентрируется сущность права, эти идеи-принципы возникают и развиваются задолго до появления собственно правовых норм, впоследствии определяя их содержание. Как верно отмечают М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин, принципы права выполняют также важную защит-

но-стабилизирующую функцию: они выступают «фильтром», который пропускает в право нормы, соответствующие правовым принципам, и препятствует внедрению в право несовместимых с ним элементов, тем самым обеспечивая согласованность и системность правовой материи, сохраняя ее существенные свойства [7, с. 7].

Бесспорно, принципы права определяют как построение правовой системы в целом, в том числе и конкретных отраслей, так и реализацию правовых норм: принципы права обеспечивают единообразное применение действующего законодательства всеми субъектами юридически значимой деятельности, определенным образом унифицируют правоприменительную деятельность. Но не менее значимо их воздействие и на законодательную деятельность, на совершенствование существующей системы правовых норм: провозглашая указанные идеи-принципы, законодатель тем самым возлагает на себя определенные обязанности по воплощению их в правовых нормах. Обнаружив несоответствие существующей правовой нормы хотя бы одному принципу права, законодатель обязан устранить выявленный дефект правотворческой деятельности, отменив соответствующую норму либо кардинально изменив ее содержание, приведя ее в соответствие с нарушенным правовым принципом. И юридической практике уже известны подобные примеры: так, по делу М.А. Асламязян Конституционным Судом РФ установлено, что «введя в правовое регулирование нормативное положение, устанавливающее уголовную ответственность за контрабанду валюты, которое в силу своей неопределенности не позволяет отграничить преступление от аналогичного ему по объективной стороне административного правонарушения, федеральный законодатель – в нарушение Конституции Российской Федерации и международных обязательств Российской Федерации – создал возможность произвольного применения этого положения и недопустимой подмены административной ответственности уголовной, что противоречит общепризнанным принципам уголовной ответственности, не согласуется с задачами уголовного законодательства, а также с принципами законности, равенства граждан перед законом и судом, справедливости, гуманизма, закрепленными на основе Конституции Российской Федерации Уголовным кодексом Российской Федерации (курсив – А.Д.), и не соответствует предусмотренным им основанию уголовной ответственности и понятию преступления...» [8], в результате чего содержание соответствующей запрещающей уголовно-правовой нормы о товарной контрабанде и практика ее применения существенно изменились, а через пару лет и вовсе ст. 188 УК РФ была признана утратившей силу, а товарная контрабанда – декриминализована.

Таким образом, принципы права, определяя содержание и реализацию каждой правовой нормы и института, развитие любого правоотношения и контент всех формально-юридических источников права, обеспечивают их внутрисистемное единство и согласованность, тем самым поддерживая целостность национальной правовой системы.

Еще одним немаловажным элементом вышеупомянутого механизма следует признать задачи и цели права, ибо главное свойство любой системы – целостность –

напрямую связано с целями, для выполнения которых и существует система. Представляется, что цель права – это мыслимый результат определенной юридической и иной деятельности, результат функционирования соответствующих правовых норм и иных элементов правовой системы. Юридические цели устанавливаются государством в лице его правотворческих органов, отражают наиболее общественно значимые интересы и потребности и существенно разнятся в зависимости от специфики правовых средств своего определения и реализации, обусловленных в первую очередь отраслевой принадлежностью. Так, по нашему мнению, главными отраслевыми целями уголовного права следует признать поддержание правопорядка в стране и за ее пределами, а также обеспечение уголовно-правовыми средствами безопасного сосуществования людей в обществе (в том числе путем разрешения социальных конфликтов), что подразумевает выделение и иных юридических целей, характерных для других отраслей права. Отметим, что исследователями подчеркивается особая значимость коммуникативной и смыслообразующей функций юридических целей [9, с. 3], что, на наш взгляд, еще раз доказывает их принадлежность к системосохраняющему механизму в праве.

Достижение обозначенных юридических целей предполагает последовательное решение ряда взаимосвязанных задач, стоящих перед правом, – проблем, требующих разрешения; задачи, таким образом, выступают в качестве промежуточных целей права. Так, задачи уголовного права определены в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса РФ (охранительная – охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ от преступных посягательств; миротворческая – обеспечение мира и безопасности человечества; профилактическая – предупреждение преступлений, при этом в специальной литературе отмечается, что из последней задачи непосредственно вытекает еще одна – воспитательная задача [10, с. 38; 11, с. 49]).

Следующими важными составляющими системосохраняющего механизма права выступают юридические презумпции и фикции. Традиционно в общей теории права презумпции определяются как средства юридической техники, заключающиеся в признании фактов, связей, явлений, ситуаций истинными, пока не будет доказано обратное. То есть это такое заранее установленное правом предположение, которое и правоприменительные органы, и граждане обязаны принимать без доказательств, пока это предположение не будет опровергнуто. Так, в уголовном праве презумпции, как правило, представляют собой предположения о наличии либо отсутствии юридически значимых фактов, влекущих возникновение уголовно-правовых отношений (либо наоборот – констатирующих невозможность их появления, как, например, в случае совершения малолетним лицом общественно опасного деяния, предусмотренного УК РФ, действует закрепленная в ст. 20 УК РФ презумпция непонимания малолетним опасности своего деяния, предвещающая вопросы о его уголовной ответственности и соответствующих процессуальных последствиях). Благодаря презумпциям проис-

ходит также конкретизация правового значения отдельных обстоятельств дела и предопределяется уголовно-правовая оценка преступных действий.

Исходя из вышеизложенного, правовые презумпции необходимы для согласования правовых норм как одинаковой, так и различной отраслевой принадлежности, для обеспечения стабильности правовой системы, для экономии времени и объема правовых средств воздействия. Именно по этой причине их следует признать важными составляющими системосохраняющего механизма, действующими как на межотраслевом, так и на отраслевом уровнях.

В общей теории права под правовыми фикциями принято понимать нечто не существующее в действительности, но признанное законодательством существующим. Представляется, что правовые фикции – это специальные правила, предписывающие считать несуществующее существующим и наоборот – существующее – несуществующим. Так, судимое лицо после погашения или снятия судимости перестает считаться таковым, ибо в силу положений ч. 6 ст. 86 УК РФ погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью. По нашему мнению, фикции являются особыми юридическими средствами – правилами придания нужной видимости правовой действительности, закреплены в тексте источников права и легитимно реализуются в решениях правоприменительных органов. От всех иных компонентов правовой среды они отличаются своим характерным содержанием – они предписывают считать несуществующие факты существующими и наоборот. То есть фикции – это специфическая форма проявления и дополнения права, в них заключена целесообразная попытка правового инструментария выйти за пределы самого себя, ибо в отдельных случаях для всесторонности и полноты правового регулирования не хватает именно этого – придания правового значения несуществующему или лишение правового значения существующих фактов, тем самым происходит своеобразная обработка содержания правовой системы, обеспечивается необходимое сочленение и гармонизация ее элементов, т.е. поддерживается необходимый уровень их внутрисистемного единства и целостности. Именно по этой причине их следует признать важными составляющими системосохраняющего механизма, востребованными как на отраслевом, так и на межотраслевом уровнях.

Следующее функциональное звено в системосохраняющем механизме права – это преюдиции. Традиционно под преюдицией понимается процессуальная категория, которая означает предрешение вопроса в сфере судебной практики, важное юридическое значение предыдущего судебного решения для нового процесса, специальное правило доказывания [12, с. 69–80; 13, с. 114–123]. Однако понятие преюдиции имеет и материальное понимание в праве, в частности в отрасли уголовного права, так как оно связано с существованием составов преступлений с административной преюдицией (см. ст. 151.1, 178 УК РФ и др.). Сущность административной преюдиции заключается в привлечении лица к уголовной ответственности, если оно совершило повторное деяние в течение определенного периода времени после наложения одного или двух

административных наказаний за такое же правонарушение [14, с. 69; 15, с. 7]. Обращает на себя внимание межотраслевой характер рассматриваемого правового явления, свидетельствующий в данном случае о тесном взаимодействии уголовного и административного права. Представляется, что поддержание правопорядка и обеспечение правовыми средствами безопасного сосуществования людей в обществе возможны только в результате тесного взаимодействия всех отраслей права на всех уровнях и стадиях правового регулирования, их постоянной динамики и взаимопроникновения друг в друга. Все вышеописанные интегративные и преобразовательные свойства преюдиций обусловлены их включением в структуру системосохраняющего механизма, выполнением важной роли в процессе его функционирования как на отраслевом, так и на межотраслевом уровнях.

Еще одним элементом системосохраняющего механизма в праве следует признать т.н. пробельные правила – законодательные и доктринальные правила по установлению, преодолению и устранению пробелов в праве. Так, если в гражданском законодательстве непосредственно прописана возможность применения в процессе правового регулирования и аналогии закона, и аналогии права (ст. 6 ГК РФ), то в уголовном законодательстве аналогия находится под запретом (ч. 2 ст. 3 УК РФ). Тем не менее наличие пробелов характерно и для этой отрасли права, поэтому, если правоприменитель обнаружит пробел в уголовно-правовой сфере, т.е. выявит неурегулированность какого-либо случая в отраслевых формально-юридических источниках, он должен выяснить практику нормативного регулирования сходных общественных отношений и практику индивидуального юридического воздействия в подобных ситуациях. Таким образом, соответствующее должностное лицо должно хорошо знать действующее законодательство и практику его реализации для того, чтобы попытаться казуально восполнить обнаруженный пробел таким образом, что его решение достаточно гармонично вписалось бы в существующую правовую систему, не разбалансировав ее, тем самым разрушив изнутри.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что пробельные правила необходимы в правовой системе не только для «приладки» подсистемы правовых норм и институтов к существующим общественным отношениям, для существования подсистемы правоотношений, для развития правового сознания и повышения уровня профессиональной компетентности правоприменителей, но и для объединения всех этих составляющих ради соблюдения, признания и защиты прав каждого человека на территории определенного государства и даже за его пределами. Наличие пробельных правил в системосохраняющем механизме права обеспечивает его оптимальное и бесперебойное функционирование, жизненно необходимое для своевременного решения отраслевых задач и достижения юридических целей.

Системосохраняющий механизм поддерживает равновесное и сбалансированное состояние права и с помощью т.н. коллизионных норм – специализированных правовых норм, предназначенных для разрешения коллизий между правовыми нормами. Особенность этих норм состоит в том, что они участвуют в регулировании общественных отношений в комплексе с теми пра-

вовыми нормами, к содержанию которых они отсылают правоприменителей и иных участников правового общения [16, с. 166; 17, с. 241]. В то же время они относительно самостоятельны по своему функциональному предназначению, ибо любая коллизионная норма регламентирует действия правоприменителя по выбору одной из коллидирующих норм применительно к конкретной ситуации. Это позволяет говорить о достаточной автономности данной группы норм в правовой системе, об их специфичном предмете регулирования. Кроме того, это также подчеркивает их юридическую силу и значение, они обладают «наибольшим властным началом» [18, с. 51], в силу которого и способны разрешить возникший конфликт правовых норм, установить порядок реализации сталкивающихся нормативных предписаний и тем самым стабилизировать правовую систему, поддержать ее равновесное состояние.

Фактом своего существования коллизионные нормы, как правило, освобождают правотворческие органы от дальнейшего разъяснения и последующих изменений коллидирующих правовых норм. Но самое главное – они существенно облегчают правоприменительную деятельность, ибо дают правоприменителю ориентиры, как поступить в конкретном случае, какую правовую норму или предписание выбрать.

В настоящее время самостоятельная подсистема коллизионных норм отсутствует как на отраслевом, так и на межотраслевом уровнях. Отдельные коллизионные предписания можно встретить в различных нормативно-правовых актах: так, в чч. 2 и 3 ст. 2 Федерального закона от 13 июня 1996 года «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» и ст. 10 УК РФ содержатся специальные правила разрешения темпоральных коллизий между правовыми нормами и предписаниями, принятыми в разное время.

Исходя из всего вышеизложенного, можно заключить, что коллизионные нормы являются важным системосохраняющим фактором для права, признаются необходимым элементом одноименного механизма, специализирующегося на сохранении, защите целостности правовой системы от разного рода внешних и внутренних факторов, противодействующих ее нормальному функционированию.

Подводя итоги, отметим, что системосохраняющий механизм в праве – это система (комплекс) системосохраняющих элементов, обеспечивающих целостность и единство права; это своеобразная конструкция, внутреннее устройство, вынуждающее к совершению нужных действий между собой связанных, но подвижных элементов правовой системы. Этот механизм необходим каждой отрасли, ибо без него право станет бессильным, не способным к выполнению своего функционального предназначения (появится разрозненность правовых норм, их оторванность от реальных нужд юридической практики и правоотношений, будет увеличиваться количество коллизий и рассогласованностей в системе формально-юридических источников права). Таким образом, это одно из важнейших средств самоуправления и саморегулирования в праве.

Системосохраняющий механизм актуализирует, одушевляет и гуманизирует правовую действительность посредством адаптации и инновации элементов правовой системы применительно к реалиям современных

общественных отношений за счет восполнения их ограниченных возможностей и их коррекции, приводящей к точной настройке механизмов правового регулирования и исправлению изъянов в праве. Таким образом, устраняются внутрисистемные и логические противоречия в содержании правовых норм; обеспечивается преемственность и постоянство в развитии права и восприятие им прогрессивных положений других социальных подсистем; а также выявляются нежизнеспособные правовые предписания, готовится почва для моделирования и создания будущего законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общая теория права : курс лекций / под ред В.К. Бабаева. Н.Новгород, 1993. 544 с.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права. Ч. 2 : Теория права. Т. 1. М., 1996. 166 с.
3. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. 266 с.
4. Большой словарь русского языка. Т. 2 / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981. 736 с.
5. Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2002. 832 с.
6. Проблемы общей теории *jus*: учебник для магистрантов юридических вузов / отв. ред. В.В. Лазарев. М., 2012. 656 с.
7. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Принципы уголовного права и основания его устойчивого развития // Библиотека криминалиста. 2012. № 1. С. 5–16.
8. РФ. Конституционный Суд. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян : постановление от 27.05.2008 № 8-П // Собрание законодательства РФ. 2008. № 24. Ст. 2892.
9. Шундилов К.В. Цели и средства в праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 24 с.
10. Наумов А.В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. Т. 1 : Общая часть. М., 2011. 768 с.
11. Уголовное право. Общая часть : учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. М., 2008. 720 с.
12. Скобликов П.А. Преюдиция актов арбитражных судов в уголовном процессе: новое прочтение // Журнал российского права. 2009. № 2. С. 69–82.
13. Лазарев В.В. Прецедентное решение Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 6. С. 114–123.
14. Ямашева Е.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 69–79.
15. Безверхов А.Г. Административная преюдиция в уголовном праве России // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права. Самара, 2012. С. 5–26.
16. Тилле А.А. Время, пространство, закон. М., 1965. 201 с.
17. Алексеев С.С. Проблемы теории права : курс лекций. Т. 1. Свердловск, 1973. 401 с.
18. Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984. 100 с.

TO THE QUESTION ON THE SYSTEM-SAVING MECHANISM IN LAW

© 2014

A.V. Denisova, candidate of law sciences, Associate Professor,
assistant professor of the Criminal Law and Criminology Department
Samara State University, Samara (Russia)

Keywords: legal system; the system-saving mechanism; principles of law; goals and objectives of law; legal presumptions and fictions; prejudices; spacing and conflict rules.

Annotation: The article analyzes peculiarities of functioning of the system-saving mechanism in law; gives a detailed characteristic of its structure and the contents; reveals the importance of this mechanism for ensuring integrity of legal subject. The author studies such structural elements of this mechanism as principles, goals and objectives of the law, legal presumptions and fictions, prejudices, spacing and conflict rules. All the abovementioned elements of the system-saving mechanism carry out peculiar handling of legal material, determine contents and implementation of each legal norm and institution. As a rule, they fixed in formal juridical sources of law and affect the emergence and development of legal relationship, i.e. they ensure the consistency of these legal phenomena and thereby maintain the integrity and unity of the entire legal system. The author concludes that the system-saving mechanism in law is a complex of the system-saving elements which ensure integrity and unity of the law; it is a specific construction or internal structure that forces interconnected but flexible elements of the legal system to commit necessary actions. This mechanism is necessary in each sector because without it the law will become powerless, not capable of performing its functional purpose. The system-saving mechanism improves, animates and humanizes legal reality through adaptation and innovation of the elements of the legal system with regard to realities of modern public relations by improving their limited abilities and correcting them. This leads to precise adjustment of the mechanisms of law regulation and fixing defects in law. Thereby it eliminates intra-system and logical contradictions in the contents of legal norms, ensures succession and consistency in development of law and perception of progressive provisions of other social subsystems, identifies viable legal regulations, and creates conditions for modeling and creation of future legislation.